

Тусклый желтоватый свет лампы дрожал в такт движениям грузных тел. В тесном пространстве заброшенной лачуги смешались женские рыдания и тяжелое мужское дыхание. Очередной ушат холодной воды привел его в чувство. С трудом повернув голову на звук плача, он увидел женщину: с растрепанными волосами, она бессильно билась в кольце окруживших её мужчин. Кожа, когда-то фарфорово-белая, теперь была покрыта синяками, а конечности накрепко привязаны к спинкам кровати. Один из мучителей грубо схватил её за волосы и сдавил челюсти, заставляя открыть рот, искусанный в кровь, чтобы втиснуть туда свое разбухшее орудие, после чего принялся остервенело двигать её головой.

Прекрасные глаза, омытые слезами, сияли ярко, но взгляд их был пустым. Из рта стекала белесая муть, а рыдания застревали в перехваченном горле. Другой мужчина, раздвинув её длинные ноги, стоял на коленях и забылся в безумном ритме. Вокруг толпились остальные — они скалились в похотливых ухмылках, поглаживали обнаженную плоть жертвы грязными ладонями и подгоняли тех двоих, что были на кровати.

— Ма... ма...

Он почувствовал острую боль в левой щеке. Мужчина, сидевший на нем верхом, вцепился в его волосы и силой заставил отвернуться. В глазах потемнело. Когда зрение наконец сфокусировалось, перед ним снова возникло лицо того самого человека, ставшего его вечным кошмаром.

— Дрянь остается дрянью. И мать, и сын — оба шлюхи. Похоже, это у вас в крови: рождаться только для того, чтобы раздвигать ноги и соблазнять мужиков.

Выплывая ядовитые оскорбления, он продолжал свои движения. Нижняя часть тела уже онемела от боли. Оно, покрытое ранами и залитое соленой водой, больше ничего не чувствовало. Оставалось только одно: снова и снова поворачивать голову в сторону матери и звать её охрипшим голосом.

— Мама...

Слезы давно высохли. Глаза были пусты, сердце — выжжено. Всё вокруг превратилось в зияющую пустоту.

Услышав зов, женщина, как только мужчина отстранился, вдруг закричала, вкладывая в этот крик всё свое отчаяние:

— Умоляю! Прошу тебя! Отпусти его! Делай со мной что хочешь! Он же твой сын! Твоя плоть и кровь! Как ты можешь быть таким зверем?!

Договорить ей не дали. Мужчина выхватил из-под куртки тяжелый черный предмет и со злобой наставил его на женщину.

— Нет!

Крик слился с грохотом выстрела. Мужчины, только что предававшиеся утехам, в ужасе бросились прочь от кровати. Из раны в правой части живота хлынула кровь, мгновенно превращая постель в багровую бездну.

— МАМА!!!

Темная жидкость медленно, словно в замедленной съемке, растекалась по простыням, закапала с края кровати, собираясь в лужу на полу.

— Сука! Сын твой такая же падаль, как и ты! Смотри внимательней, он же сам жаждет, чтобы его брали! Небось, прижила этого ублюдка от какого-нибудь бродяги! С выродками и обходиться надо по-выродски! — Он махнул пистолетом в сторону остолбеневших от неожиданности людей: — Чего встали?! Продолжайте! Трахайте её, пока не сдохнет!

Мужчины снова начали приближаться к кровати, но никто не решался коснуться её. Из раны на животе женщины уже сочилась желчь, а бледная кожа начала стремительно желтеть.

— Сян... — Она через силу открыла глаза, вглядываясь в него так, словно хотела навсегда запечатлеть этот образ. В её прекрасном взоре застыла бесконечная скорбь. — Мама... виновата перед тобой...

Последние слова растаяли на губах, испачканных чужой похотью. Женщина замерла, так и не закрыв глаз.

— МАМА!!! МАМА, НЕТ!!! МАМОЧКА!!!

Откуда-то взялись силы — он сумел сбросить с себя насильника и пополз к ней. Но его тут же схватили огромные ручищи, швырнули обратно и принялись избивать. Удар рукоятью пистолета пришелся прямо в лоб. Мир вокруг поплыл и окончательно затуманился.

— Вы что, сучьи потроха, человеческого языка не понимаете?! Сказал — берите её! Живую или мертвую — мне плевать! Быстро!

Он уже не видел, подчинились ли они приказу, не слышал грязной ругани. Всё вокруг стало багровым. Сквозь эту кровавую пелену мучитель смотрел на него в упор с яростью и злобой.

В пустом сердце начало что-то расти — неистово. В одно мгновение это чувство заполнило всё его естество, сдавливая грудь, заставляя каждую клетку кричать в агонии. А потом это нечто вспыхнуло алым пламенем, выжигая его изнутри.

«За что?! Почему?!»

«За что нам это?! Почему её убили?! Почему несчастья преследуют нас раз за разом?!»

«Кто дал вам право разрушать нашу жизнь?! Кто позволил растоптать наше счастье и втоптать нас в этот земной ад?!»

«Ненавижу... Как же я ненавижу!!! Будь проклят этот убийца! Будьте прокляты эти звери, осквернившие мою мать! Будь проклят весь этот несправедливый мир!»

«Если демоны существуют — услышите моё проклятие! Я проклинаяю этих тварей! Пусть они сдохнут в муках! Пусть всё, что они совершили, вернется сторицей им самим, их близким и их потомкам! Пусть они вечно страдают в глубинах преисподней! Пусть мой гнев преследует их род из поколения в поколение! Я проклинаяю всё, что есть в этом мире!»

«Если демоны существуют — исполните моё желание! Я отдаю свою душу, чтобы скрепить это заклятие! Пусть эта ненависть выжжется в моей сути! Куда бы я ни пошел, через сколько бы перерождений ни прошел — я хочу, чтобы моя душа вечно несла это бремя! Пусть я сойду с ума, но я не забуду своей ярости!»

«Отныне я буду входить в каждое новое воплощение, ведомый этой злобой. Я стану мстить этому миру, который нас предал!»

Кровавая пелена застилала взор, и в этом багровом мареве замелькали странные видения. Реальность смешивалась с иллюзией, втискивая в его сознание чужую короткую жизнь.

Он родился в знатной семье. Отец — маршал Небесной династии, мать — принцесса чужеземного государства. Хотя их брак был плодом политического союза, они искренне любили друг друга. У него был старший брат, который пошел по стопам отца и в юном возрасте уже оборонял границы. Они виделись редко, но брат души в нем не чаял.

Он жил в огромном поместье, в котором в детстве часто терялся. У него был добрый наставник, лучший друг отца. С трех лет он начал учиться, а к десяти уже прославился как талантливейший юноша столицы. Его даже привечал сам император, назначив чтецом при наследном принце.

Он купался в роскоши, не зная нужды и горя. Он был самым счастливым ребенком Небесной династии, и эта идиллия длилась первые десять лет его жизни.

Всего десять лет.

Затем кровавая завеса приоткрылась снова, обнажая иную картину.

Его бросили в мрачную темницу. Вместе с матерью они томились глубоко под землей. Холодными ночами он дрожал от страха, а мать, обнимавшая его, больше не дарила тепла.

Начались бесконечные дни ожидания. В сырой камере мать раз за разом уводили на допросы и возвращали окровавленной. Её когда-то прекрасное платье превратилось в лохмотья, пропитанные грязью и кровью.

Он был в ужасе, цеплялся за неё, не смея даже плакать вслух. А она шептала ему на ухо: «Фэн-эр, что бы тебе ни говорили, верь отцу. Помни, твой отец — самый честный и благородный человек на свете».

Он не понимал, почему она плачет, говоря это. Но он отчаянно кивал, навеки запечатлевая её слова в своем сердце.

Тот день всё же настал. Его, мать и всех слуг поместья облачили в белые траурные одежды, сковали тяжелыми колодками и кандалами. Их гнали на казнь, словно скот. Там он наконец увидел отца и брата. Они стояли на коленях на помосте, накрепко привязанные к столбам, а за их спинами застыли палачи с огромными мечами.

Когда солнце достигло зенита, раздался ледяной выкрик: «Час настал! Привести приговор в исполнение!»

Мать и слуги залились рыданиями. Стон, плач и крики о несправедливости слились в один кошмарный гул. Ему никогда не было так страшно. Он чувствовал, что сейчас произойдет нечто непоправимое, но не понимал, что именно.

Палачи сорвали с шей отца и брата длинные таблички с именами и одновременно занесли мечи. Сталь, отполированная до блеска, сверкнула на солнце мертвенным светом и опустилась вниз.

Ярко-алый фонтан брызнул в небо, проливаясь кровавым дождем. Головы отца и брата безвольно упали на помост, покатались и замерли. В этот миг он увидел лицо отца. Благородное, некогда всегда улыбавшееся ему лицо теперь застыло в гримасе невыразимой муки. Широко распахнутыми, налитыми кровью глазами он словно взывал к небесам в немом протесте.

Он закричал, захлебываясь слезами. Мать крепко прижала его к себе и лишилась чувств. В его сердце, полном детского страха, теперь плескались лишь ужас и горе. На его глазах его родным отсекали головы.

Затем солдаты снова погнали их прочь — с места казни, прочь из процветающей столицы.

Когда он спросил мать, куда они идут, она ответила: «Фэн-эр, нам больше нет пути назад. У нас больше нет дома».

Однажды в глухом лесу офицер приказал всем остановиться. Их окружили. Мать крепко сжала его в объятиях, и он почувствовал, как сильно дрожат её руки.

Команда. Воздух пронзили крики боли и стоны. Люди метались, пытались спастись, но выхода не было. Он видел только багровое небо — это была кровь тех, кого рубили мечами. Вскоре все вокруг затихло. Мать закрывала его своим хрупким телом от ударов, но его всё равно вытащили и вонзили клинок прямо в грудь.

Боль разорвала его тело, а отчаяние — душу. Он кричал, звал на помощь, пока силы не покинули его окончательно. Упав на тело матери, он смотрел на груды трупов, залитых кровью. Он видел, как половина туловища кормилицы шевелится в куче тел, словно червь; видел служанок с посеревшими лицами; видел старуху-садовницу с разможенной головой...

На трупы начали выливать кувшины с крепким вином. Офицер уже зажег факел. Черный дым пополз к небу, неся с собой запах смерти.

Внезапно он из последних сил издал истошный крик, распугав лесных птиц. Он не хотел сдаваться! В его душе разгоралось пламя ненависти!

«За что?! За что?!»

«За что убили моего папу?! За что убили брата?! Почему зарезали маму?!»

«За что вы истребили сотни людей в моем доме?! Почему я, ребенок, должен умереть?! За что...»

«Ненавижу... Будьте вы прокляты!!! Проклинаю палачей! Проклинаю чиновников-псов! Проклинаю всех, кто смотрел на нашу смерть и палец о палец не ударил!!!»

«Кто-нибудь... помогите нам... спасите...»

«Кто-нибудь... отомстите за меня...»

Сознание пронзила вспышка острой боли, и видения подернулись багровой дымкой. Реальность снова обрушилась на него градом физических мучений. С трудом сфокусировав взгляд, он увидел вокруг всполохи крови. Крики и звон стали не утихали, но теперь те солдаты, что только что резали женщин и детей, сами оказались в ловушке.

Человек в черном одеянии метался среди трупов, вглядываясь в лица убитых и отчаянно выкрикивая чье-то имя.

С нечеловеческим усилием он приподнял руку, пытаясь дотянуться до этой черной тени. Мужчина мгновенно заметил движение и бросился к нему.

Оказавшись в теплых, крепких объятиях, он почувствовал, как мир окончательно погружается во тьму. Но перед тем как провалиться в небытие, он собрал последние крохи сил и вытолкнул из себя слово, пропитанное ядом и многовековой ненавистью:

— Отомстить...

<http://bllate.org/book/17477/1691733>